

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ — КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Лариса Григорьевна Титаренко (larissa@bsu.by)

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Цитирование: Титаренко Л.Г. (2018) Российская модернизация — капиталистический проект цивилизационного развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(5): 141–163. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.8>

Аннотация. В последние десятилетия в России был взят курс на модернизацию, нацеленный на обеспечение безопасности страны и повышение уровня и качества жизни ее граждан. Представлен анализ социологических интерпретаций российской модернизации. По теории «двойного перехода» Н.И. Лапина, в России происходит постепенный переход регионов от первой, индустриальной, ступени модернизации, ко второй, информационной, которая должна позволить в будущем достичь ожидаемых результатов. В рамках эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта Россия также пока не рассматривается как страна, достигшая существенных успехов в модернизации. Приложение к российским данным китайской методики анализа модернизации позволяет сказать, что Россия следует в своем развитии глобальным трендам, но не уточняется социальная природа трансформационных процессов. Декларируемые цели роста качества и уровня жизни населения оказываются достижимы лишь для отдельных социальных групп. По мнению Б.Н. Миронова, изучение российской модернизации за два века дает основание утверждать, что ее главным пунктом является вестернизация России, то есть ориентация на Запад. Альтернативные подходы к интерпретации цивилизационного развития России (в частности, теория мультимодернов Ш. Айзенштадта, который не признавал констелляции социальных институтов, сложившихся на Западе, универсальным нормативным образцом развития стран) непопулярны. Марксистская логика анализа модернизации в этом дискурсе используется слабо, тогда как она неминуемо приводит к пониманию сущности российской модернизации как капиталистического проекта цивилизационного развития. В России наблюдается рост социальных противоречий в ключевых сферах общественной жизни, модернизация не делает их более гуманистическими, а общество более справедливым и социально ответственным.

Ключевые слова: модернизация, цивилизационный подход, Россия, капитализм, эволюция, марксистский проект.

В соответствии с базовыми идеями Маркса общественное развитие осуществляется посредством социальных революций и предполагает смену устаревшей надстройки при сохранении высокоразвитого научно-

технического базиса (если таковой уже имеется), дающего простор для развития производительных сил (Маркс 1960). Замене в ходе социальной революции подлежат производственные отношения, тормозящие движение общества вперед, а также основные классы. Практическая реализация революционного технологического сдвига невозможна без смены властных отношений. По Марксу, в ходе этого радикального социального процесса (социальной революции) должны измениться движущие силы и стимулы развития. Сегодня, два века спустя, представляется, что марксизм остается актуальным как общее направление социального анализа, поскольку современное историческое развитие сохранило свои сущностные черты и проблемы (Романовский 2018: 80–81).

В конце 1980-х — начале 1990-х годов перед Западом «остро стояла задача противостояния коммунизму как альтернативной стратегии реорганизации обществ» (Щербак 2018: 209), которая хотя и потерпела крах, но не исчезла. Основная критика марксизма была связана с идеями о насильственном характере социалистической революции, прогнозами гибели капитализма и абсолютного обнищания трудящихся. Действительно, эти предсказания Маркса оказались ошибочными. Октябрьская революция в России осуществилась насильственным способом, что не исключало возможностей социальной революции мирным путем в других условиях. В Китае социалистическая революция была осуществлена в особой форме, которая породила особый китайский коммунистический модерн с коммунистической надстройкой и рыночной капиталистической экономикой (Arnason 1993). Социальная революция и в этом случае была связана с насилием и войной, но по своим результатам существенно отличалась от российской. И сегодня китайское общество характеризуется национальной спецификой, соединяет политическую власть Коммунистической партии с рынком и успешно конкурирует с США в экономике. Марксистская теория не предвидела такие конфигурации. Современный мир изменился и потребовал новых идей и интерпретаций своего развития. Различные теории модернизации оказались как нельзя кстати: они многое могли объяснить или хотя бы логично описать в развитии капитализма.

Изначально теории модернизации, возникшие в середине XX в., исходили из предпосылки, что экономическое развитие страны приведет к уравниванию доходов и созданию значительного по величине среднего класса. Далее ожидалось, что более высокий уровень экономического развития страны будет способствовать расширению демократии (Lipset 1959). В отношении стран Западной Европы эти ожидания оправдались. Однако в других регионах результаты модернизации не соответствовали гипотезе модернизации, что ставило под вопрос ее универсальный характер.

Эпоха глобализации показала, что модернизация и неравенство вполне совместимы. Конец XX в. продемонстрировал, что неолиберальная глобализация не только стимулирует экономический рост и увеличивает жизненные стандарты, но и усиливает неравенство. Эмпирические исследования доказали, что следование принципам неолиберальной западной политики развивающимися странами, как правило, не приводит к уменьшению неравенства доходов ни внутри стран, ни между бедными и богатыми странами (Stankov 2017; Genov 2018). Тем не менее теории модернизации сохраняют свою практическую актуальность.

В результате крушения в Европе системы социализма в конце 1980-х — начале 1990-х годов в Центральной и Восточной Европе новая социальная революция осуществилась мирным путем. Эти страны встали на путь возврата к капитализму, следуя его западным образцам, предложенным теоретиками и политиками Евросоюза и США, заинтересованными в расширении глобального поля своего экономического и политического влияния. Модернизация также была частью этого образца. Большинство бывших стран социализма в Европе либо стали членами НАТО и Евросоюза, либо находятся на пути к этому. Ряд бывших советских республик следует тем же маршрутом. Тот факт, что страны Балтии были приняты в Евросоюз, формально означал признание того, что они достигли экономического уровня, сопоставимого с требуемым рынком Евросоюза и что политически они полностью ориентируются на западные ценности либерализма, верховенства закона, прав человека и т.п. Иначе говоря, предполагалось, что в этих странах достаточно успешно осуществлена экономическая и политическая модернизация. Именно она позволила государствам, прежде ориентированным на построение социализма (то есть на коммунистическую цивилизационную модель), интегрироваться в Евросоюз и встроиться в глобальный экономический рынок и мировой капитализм. Действительно, в настоящее время эти страны, включая бывшие советские республики — члены Евросоюза, обгоняют Россию по таким важным показателям социального развития, как уровень жизни (благополучие), качество социальной среды, социальное самочувствие и безопасность жизни, наличие возможностей для свободы выбора и самореализации в личном и общественном пространстве (Беляева 2018: 32). При этом они открыто признают, что следуют капиталистическим путем цивилизационного развития.

Российские авторы предпочитают использовать иную терминологию в объяснении развития российского общества и делать акцент на социокультурные детерминанты, избегая сознательного обращения к марксистской традиции. На первый план выдвигаются культурные факторы, от

которых якобы прежде всего зависит, как будет развиваться общество, делаются попытки найти условия, которые позволят гармонизировать рынок с ростом качества жизни населения, соединить усиление государственной роли в экономике с возможностями самовыражения личности, чтобы представить цели модернизации как достижимые и гуманистические (Черныш 2018: 22). Часть российских интеллектуалов объявила марксизм причиной российских бед в XX в. (Кордонский 2008; Ясин 2007) и предложила новые пути. В 1990-е годы Россия развивалась, следуя неолиберальной модели капитализма, получившей в экономике неофициальное название модели «дикого рынка». Максимальная экономическая свобода должна была привести общество к достижению благосостояния и обеспечить политическое и правовое равенство граждан. Однако этого не произошло. С 2000-х эту модель заменила модель регулируемого рынка с сильной ролью государства.

Всякое рыночное общество требует постоянной модернизации своей основы для успешного подстраивания под вызовы глобального капитализма. Россия, как и другие страны региона, отвечает на новые мировые вызовы развитием собственного модернизационного проекта. Желание России модернизироваться тем же путем, что и развитые страны Запада, подтверждает ее стремление стать составной частью мира капитализма и повысить свою глобальную конкурентоспособность. Вопрос лишь в том, насколько осознанно осуществляются властью эти процессы и насколько реально выдвигаются социетальные цели российской модернизации.

В российской социологии используются разные научные подходы к исследованию модернизации, причем не всегда ученые акцентируют внимание на целостных цивилизационных характеристиках, которыми должен отличаться процесс модернизации. В отличие от российских авторов, американский исследователь Р. Инглхарт, чья эволюционная теория модернизации и исследования мировых ценностей получили всемирную известность, указывает на то, что прежде всего «модернизация делает жизнь более безопасной» (Инглхарт 2018: 30), а это при высоком уровне развития общества приводит к изменению мотивации. Наиболее зримо такое изменение реализуется в переходе от ценностей материализма (выживания) к ценностям постматериализма (самовыражения). Сдвиг к постматериализму связан с доминированием либеральных ценностей свободы выбора, самовыражения, свободы от труда как жизненной необходимости и т.д. Информационное модернизированное общество в интерпретации Р. Инглхарта — это процветающее роботизированное общество, ориентированное на верховенство закона, права и свободы личности независимо от целей социальной справедливости. Можно сказать, что это раз-

витой постиндустриальный капитализм, который может обеспечить высокую удовлетворенность жизнью и безопасность тем социальным группам, которые экономически успешны. Но разрыв между странами в глобальном масштабе постоянно растет, поэтому шанс достичь такого уровня, какой соответствует информационной ступени модернизации общества, очень мал. Пока, по данным Инглхарта, его достигли всего около 25 стран в мире, и даже в них уровень неравенства доходов между социальными группами растет (Инглхарт 2018: 55, 91). Проблематично, что остальные страны смогут подняться до этого уровня, скорее всего, там тоже будет наблюдаться рост неравенства. В принципе это хорошо понимают и российские теоретики модернизации.

По мнению Р. Инглхарта, резкий спад субъективного благополучия в России в 1990-е годы «не просто отражал экономический и политический крах, он был связан и с коллапсом марксистской системы ценностей, которая некогда придавала смысл жизни многим россиянам» (Инглхарт 2018: 222). Неслучайно сегодня в России преобладают материалистические ценности (Инглхарт 2018: 57–59). Признавая, что этот коллапс невозможно преодолеть ни возвратом к религиозным ценностям среди старшего поколения, ни ростом индивидуализма среди молодежи, Инглхарт тем не менее считает, что успешная модернизация в России может произойти и что она в долгосрочной перспективе «влечет за собой экономическое процветание и переход к ценностям самовыражения, который положительно сказывается на общественной солидарности, толерантности и демократии» (Инглхарт 2018: 238). Это может произойти через эффективное экономическое развитие, которое ведет к изменению ценностей и поведения людей, что благоприятствует демократии. Но сегодня, исходя из критериев успешной модернизации Инглхарта, необходимый уровень экономического развития в России не достигнут. По этой эволюционной модели для сдвига к постматериализму России еще необходим достаточно длительный срок исторического развития, в процессе которого произойдет межпоколенный сдвиг ценностей и будет преодолен исторический «эффект колеи». Автор не высказывает сомнений в том, что Россия находится на этом пути, то есть следует дорогой модернизации по образцу «продвинутых» стран Запада.

Рассмотрим социологическую модель модернизации, разработанную Н.И. Лапиным. Под его руководством были проведены масштабные научные исследования модернизации России как целостного феномена с выделением индустриальной и информационной стадий развития. Целью модернизации в России и в других странах постсоветского пространства в рамках заявленного «цивилизационно-социокультурного подхода»

(Лапин 2017: 27) провозглашается не только построение информационной экономики, то есть технико-технологическое изменение, но и еще три важных компонента: социоэкономический, социокультурный, институционно-регулятивный. Они взаимосвязаны и образуют комплексный процесс. В своей целостности эти глубинные изменения должны реформировать жизнь миллионов людей, развить человеческий потенциал, повысить качество жизни. Как утверждает Лапин, четыре выделенных компонента «взаимосвязаны и образуют комплексный процесс не быстрых и не броских, но постепенных, зато глубинных изменений в обществе, экономике, культуре, политике, труде, повседневной жизни миллионов жителей страны, в их ценностях, человеческом потенциале и социальном капитале, качестве их жизни — по большому счету, изменений способа жизнеустройства больших сообществ людей, т.е. всей цивилизации, к которой относится страна и ее население» (Лапин 2015). Таким образом, предлагается цивилизационный подход, ориентированный на достижение качественно более высокого уровня развития общества. Попытаемся выявить, чем он отличается от описанного выше эволюционного подхода Инглхарта.

Лапин подробно описывает начальную (индустриальную) ступень модернизации России и этапы ее догоняющего развития, в результате которых страна должна выйти на новый, более продвинутый технико-экономический уровень, уже достигнутый странами Запада. Суть модернизации в интерпретации Лапина отличается от характеристик, рассматриваемых Инглхартом. Она фиксируется через две основные функции модернизации: (1) обеспечение безопасности страны и ее граждан, и (2) рост уровня благополучия и качества жизни людей (Атлас 2016). Однако в реальности российская модернизация уже привела к серьезным противоречиям между теми регионами, которые экономически и технологически перешли на вторую (информационную) стадию (по расчетам Лапина, в 2012 таких регионов было 25), и теми, кто еще остался на индустриальной стадии развития полувековой давности (60 % регионов, из них шесть — в самой низкой, начальной стадии индустриализации) (Лапин 2017: 26). Отсюда логически следует признание факта двойного перекоса в модернизационном развитии России (Лапин 2015: 6): (1) разрыв между регионами страны, ведущий к оттоку квалифицированных кадров и ресурсов в центральные, более развитые регионы, (2) доминирование одних компонентов модернизации в ущерб другим из-за недостаточно высокого экономического уровня страны в целом. Именно эти процессы и приводят к оттоку квалифицированных специалистов в другие страны с более высоким уровнем жизни и к разительным контрастам между

российскими регионами. По данным Лапина, только шесть регионов России уже вошли в информационную стадию развития общества, а остальные регионы (то есть абсолютное большинство) существенно отстали. В связи с этим в среднесрочной перспективе основной задачей в России является завершение первой, индустриальной, стадии модернизации (Лапин 2017: 26). Если не учитывать имеющуюся неравномерность развития регионов, то модернизация может усилить диспропорции и социальное неравенство граждан, проживающих в разных регионах страны.

На основании полученных эмпирических данных был сделан важный вывод о том, что один из главных социокультурных результатов проведения модернизации — превращение России в глобального поставщика материальных ресурсов и квалифицированных кадров (представителей среднего класса), а главный экономический результат — «движение по пути деиндустриализации экономики и снижения уровня человеческого капитала» (Атлас 2016: 59). Лапин вынужден констатировать, что в целом проводимая в стране модернизация неэффективна, по ее человеческим измерениям это квазимодернизация (Лапин 2017: 25).

Для того чтобы противостоять этой тенденции, по мнению Лапина, необходимо значительно усилить регулирующую роль российского государства в процессах модернизации. Государство должно стать главным или по крайней мере очень активным субъектом модернизации, обеспечивая поддержание полной экономической занятости и рост благосостояния населения при ее осуществлении (Лапин 2017: 25). Таким образом, государственные (федеральные и региональные) служащие должны превратиться в агентов модернизации, а гарантом их деятельности по реализации конституционных принципов в процессе модернизации должен стать президент. При этом ученый подчеркивает необходимость сохранения социального характера государства и гарантий разных форм собственности. Ссылаясь прежде всего на опыт развитых стран Европы, Лапин утверждает, что экономически эффективное социальное государство (welfare state) может и должно стать эффективным субъектом модернизационных процессов. Социальное государство должно перераспределять доходы через прогрессивное налогообложение и на этой базе повысить затраты государства на социальные нужды в 2–3 раза (до трети национального дохода). Такой способ жизнедеятельности может, по мнению Лапина, стать «новым цивилизационным проектом», привлекательным и для России, и для других стран (Лапин 2017: 33).

Сходные идеи выдвигаются и Инглхартом в отношении тех механизмов, которые могли бы, по его мнению, хоть как-то уменьшить рост неравенства доходов внутри страны на этапе «общества искусственного

интеллекта», к которому уже приблизились США. Основной акцент — на перераспределении значительной части имеющихся ресурсов «для создания важных для людей рабочих мест в области инфраструктуры, защиты окружающей среды, здравоохранения, образования... исследований, ухода за пожилыми, развития искусств и гуманитарных наук», то есть для улучшения качества жизни всего общества (Инглхарт 2018: 291). Инглхарт, как и Лапин, полагает, что только эффективное вмешательство государства способно противостоять превращению дальнейшей модернизации в способ максимизации прибыли корпораций. Поэтому ключевой задачей ученых и политиков в ближайшие 20 лет ученый считает проектирование эффективных программ для достижения указанных целей.

Очевидно, что ни в США, ни в России государство не выполняет этой задачи: индекс неравенства Джини растет, а среди населения обеих стран (не только бедных, но и средних классов) возрастает чувство незащищенности. При этом Инглхарт идет дальше в своих рекомендациях и предлагает политическую перестройку: формирование новой политической коалиции, которая изменит политику и «вернет политическую власть большинству» (Инглхарт 2018: 293). Он осознает, что бесконтрольное развитие модернизации, ведущее к дальнейшей поляризации общества, является политическим вопросом и поэтому требует политического решения. Американский социолог допускает, что для его разрешения могут появиться правительства, которые будут играть ту же роль, которую когда-то играли классические «левые». Однако модель социального государства с сильной ролью государства, перераспределяющего доходы в обществе, давно поставлена под сомнение в западных странах, так как социальное государство уже не позволяет ни уменьшить социальное неравенство, ни снять социальные противоречия, ни поднять доходы малоимущих (Nicks 1999; Veenhoven 2000). Остаются более радикальные политические подходы, о которых, правда, эти авторы не упоминают. В детально разработанной схеме регионального модернизационного развития страны Лапин практически обходит вопросы об изменениях в институтах власти, от политики которых во многом зависят экономические и культурные сдвиги. Не прослеживается в этой концепции и осознание капиталистической природы рассматриваемой модернизации, которая по своей базовой сути не может обеспечить гармонизации разных сторон развития российского общества — задачи, выдвигаемой в модели Лапина в числе приоритетных.

Доказывая необходимость модернизационных реформ в России, Лапин ссылается на китайские эмпирические исследования модернизации в 130 странах мира. Согласно китайским данным, большинство стран

строит свое развитие в рамках концепции модернизации. Поэтому с этих позиций Россия следует мировым трендам развития. Таким образом, «модернизация представляет собой мейнстрим эволюции большинства стран мира в XXI столетии...» (Лапин 2017: 26). Это косвенное признание универсальности модернизации как механизма эволюции, которое мало чем отличается от базовых выводов Инглхарта.

В модели Лапина не артикулируется необходимость изменения властного компонента, наряду с четырьмя сферами, включенными в эту модель. Она акцентирует внимание на качественном изменении экономики (ее цифровизацию, роботизацию) и на усилении регулирующей роли государства в многоукладной российской экономике во имя повышения качества жизни населения. Тем самым в модели последовательно не проводится целостный подход к социальному развитию с акцентом на его человеческих измерениях. На практике это может привести к существенным проблемам на пути продвижения страны к декларируемым целям или же к их подмене на другие, реально достижимые без существенных политических преобразований и гуманистической направленности модернизационных процессов. Практически речь в таком случае идет о варианте встраивания российской экономики в современный глобальный капитализм, который, вопреки предсказаниям Маркса о его гибели и вопреки современной непрекращающейся кризисной риторике в адрес капитализма, включая известную работу Т. Пикетти о капитализме XXI в. (Piketti 2014), приспособился к новым вызовам и даже укрепил свои позиции в мире. По крайней мере, о приближающейся гибели современной капиталистической модели экономического развития говорить рано, хотя социальное неравенство в мире резко нарастает (Therborn 2013; Milanović 2016). Российская модернизация негласно исходит из устойчивости существующей модели развитого капитализма и ориентирована на следование ей. Эта модернизация есть запоздалая реализация Россией капиталистического проекта цивилизационного развития, знаменующая отказ от марксизма в теории и практике. Усиление роли государства может и должно в рамках этого проекта стимулировать завершение индустриальной фазы в отстающих регионах России (а их большинство), поскольку они тормозят рост экономики и способствуют консервации роли России на мировом рынке как поставщика природных ресурсов.

Нельзя не упомянуть еще об одной модели интерпретации российской модернизации — конвергентной. Как утверждает Б.Н. Миронов, в истории России было много модернизаций. Их общая черта, по его мнению, состоит в том, что «сущность процесса модернизации России XVIII–XX вв. сводилась к вестернизации и к конвергенции России и Запада» (Миронов

2018: 91). По сути, это открытое признание того, что модернизации в России всегда носили догоняющий характер и не были самостоятельными, независимыми от Запада, иначе говоря, Россия ориентировалась на капитализм и в советское, и в постсоветское время, не говоря уже об ее имперском прошлом. Современная модернизация отличается от прежних, по мнению Миронова, только комбинированием механизмов: «В постсоветский период модернизация продолжилась сначала по классическому сценарию, педалируя вестернизацию, затем, не отказываясь от европейского вектора, дирижеры модернизации скорректировали траекторию, обратившись к российским традициям — роль государства во всех сферах жизни, распространение авторитарного стиля управления, контроль над частным, преимущественно олигархическим, капиталом, государственный патернализм. Однако конвергенция России и Запада остается главным пунктом программы постсоветской модернизации» (Миронов 2018: 101). И хотя прогноз Миронова на будущее звучит оптимистично («мы были и есть вместе с Европой»), точнее было бы переформулировать этот прогноз следующим образом: мы догоняли и будем догонять Европу, хотя за прошедшие 200 лет ни разу не достигали тех же результатов, которые демонстрировала избранная для подражания цивилизационная модель. Судя по прежним результатам, вряд ли этого можно ожидать и в будущем.

Эта интерпретация резко противостоит теории мультимодернов, выдвинутой Ш. Айзенштадтом в конце прошлого века (Eisenstadt 2000). Согласно его цивилизационному подходу, разные страны могут успешно развиваться по собственному пути и достигать высоких результатов, не следуя никакой общей модели или схеме развития. Израильский социолог утверждал, что западный модерн — лишь первый и один из возможных успешных путей развития по пути экономического развития. В соответствии с его методологией, страны могут проводить модернизацию экономики разными способами, с учетом собственного исторического и культурного наследия. Модернизация — это системное изменение, которое в значительной мере зависит от культурного (ценностей, норм, религии) и политического (институты власти) компонентов. Айзенштадт настаивает на том, что в мире было много типов модернизации, базировавшихся на национальных особенностях своего общества, его истории и комбинации институтов, из которых особую роль он отводит политическим и религиозным. На большом историческом материале Айзенштадт показал, что успешное экономическое развитие по пути модернизации может осуществляться и при авторитарной модели власти, и при демократии. Частично эти различия могут быть объяснены за счет исторического прошлого каждого общества (path dependency), временных совпадений, дей-

ствия элит и т.п. На основе теории множественности модернов сторонниками теории Айзенштадта были выявлены и раскрыты особенности японского, юго-восточного, китайского, арабского типов модернизации (Eisenstadt 2017). Выделенный в отдельный тип в рамках цивилизационного подхода советский тип модерна признается проигравшим по ряду конкретных причин, связанных прежде всего с властными (а не технико-экономическими) институтами, что тем не менее не перечеркивает реальность его существования в XX в. как особого, не западного типа общества, а подчеркивает важность изменений в политических институтах (Arnason 1993). Этот тип модерна отличался многосторонними «претензиями на то, чтобы превзойти западный модерн», соединенными с имперскими и глобальными амбициями (Арнасон 2011: 20). В то же время китайский тип коммунистического модерна оказался более успешным, так как он изначально опирался, кроме модернистских идей, на исторические традиции своего общества и на рыночную экономику. Даже если советский модерн провалился, это не повод для его отрицания как возможной модели и для абсолютизации западной модели, то есть перехода на позиции универсальной теории модернизации. Современные политические, экономические, культурологические исследования также показали, что экономическая эффективность может не приводить к демократии (Przeworski 2004), а осуществляться при авторитарной власти и что роль институтов в процессе модернизации требует более тщательного и конкретного изучения (Acemoglu, Robinson 2012), наконец, что развитие демократии может идти без роста политического участия масс и социальной справедливости (Инглхарт, Вельцель 2011). Поэтому при выборе модели интерпретации модернизации в России нужна тщательная проработка всех вариантов развития.

Вместе с тем в российской практике модернизации сохраняется акцент на технико-технологическом аспекте, причем не только в экономике, но и в других сферах жизни общества: в экономике это фокус на реализацию инновационных прорывов, классификацию регионов по уровню развития в них *Industrie-4*, в науке — на прикладные результаты и их калькулируемость, в образовании — акцент на изменении содержания учебного процесса с уклоном в коммерциализацию, продвижение в обучение информационных технологий, внедрение в практику модели «университета 3.0», где обучение, наука и бизнес соединяются в коммерческих интересах и т.п. Действительно, во всем мире настойчиво пропагандируется концепция *Industrie 4.0*, или четвертая промышленная революция, которая заключается в развитии робототехники, дальнейшей дигитализации экономики и автоматизации производства и сферы услуг, расширении

применения безлюдных технологий (Schwab 2016). При этом не всегда акцентируется внимание на неизбежных социальных издержках этой революции: рост отчуждения человека от себя и продуктов труда, уменьшение пространства свободы формирования личности, появление новых форм цифрового неравенства, дальнейшая поляризация стран и обострение глобальной конкуренции, быстрое исчезновение старых профессий и вынужденная прекаризация труда во многих отраслях. Многие востребованные ныне профессии могут исчезнуть. Так, по результатам недавнего британского исследования будущего профессий, проведенного компанией Nesta, только 10 % работающего населения трудятся по специальностям, численность занятых в которых будет расти в течение следующих 10–15 лет, а около 20 % — в профессиях, которые, будут сокращаться и исчезать. Особенно непредсказуемое будущее ожидает малоквалифицированных работников, тогда как занятость в сферах медицинского обслуживания, образования, общественном секторе имеет тенденцию возрастать параллельно с ростом в этих сферах неполной занятости (Future 2017).

Продвижение России в этом направлении в официальных источниках, медиа, даже социологической литературе интерпретируется позитивно — как необходимый процесс с целью «занять достойное положение в системе новых реалий» (Кобяков 2016), для которого у России «есть все необходимое». При этом редко уточняется, что такие радикальные переходы при отсутствии целостного к ним подхода и значительных материальных ресурсов всегда приводят к серьезным социальным издержкам, особенно в странах, которые запоздали с переходом по сравнению с наиболее развитыми странами, уже достигшими уровня информационной цивилизации. Акцент делается на росте глобальной конкурентоспособности страны, ради которой затеваются реформы. Об этом постоянно говорится на ежегодных экономических форумах в Давосе. Но и прошедшие в Санкт-Петербурге в последние годы международные экономические форумы труда также были нацелены на изучение конкретных проблем, связанных с осуществлением модернизации, и на преодоление тех или иных социальных издержек перехода. Практически в связке с нуждами модернизации страны подается и проблема повышения пенсионного возраста, которая в конечном счете якобы нацелена на будущий рост благосостояния всего населения, хотя воспринимается большинством россиян как покушение на давно завоеванные позиции, закрепленные в социальных программах. К числу наиболее негативных последствий модернизации, подчиненной целям рынка, относится и значительная потеря рабочих мест не только среди лиц, занятых индустриальным трудом, но и среди представителей

среднего класса, профессионалов, сервисных служащих, чей труд также заменят машины. Потеря работы приведет к тому, что жизнь станет бесполезной. Об этом на примере США пишет Инглхарт, предупреждая о грядущей прекаризации труда в обществе искусственного интеллекта (Инглхарт 2018: 282). Позже по времени сходные негативные последствия будут видимы и в России, где компьютеризация труда приведет к тому, что труд будет дешевым и вытеснит людей из этой сферы если не окончательно, то в значительной степени (Кутырев 2017).

В настоящее время рост доходов россиян, несмотря на пережитые ими недавно кризисные годы, можно интерпретировать как небольшие, но позитивные сдвиги, в частности связанные с ростом (или стабилизацией) среднего класса. Однако эта тенденция достаточно неустойчива и неоднозначна. По данным исследовательского центра Pew Research (Kochhar 2015), в мировом масштабе отмечалось, что с 2001 по 2011 г. рост среднего класса в мире «концентрировался на определенных территориях, среди которых Китай, Индия, Восточная Европа и Южная Америка. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что население этих стран «ориентировано модернизационно, то есть склонно к изменению образа жизни в направлении западной культуры» (Аврамова 2018: 23). Однако показатели доходов нового среднего класса, достигнутые развивающимися странами, могут быть сопоставимы с уровнем черты бедности в Западной Европе или США. Иначе говоря, растет глобальное неравенство. Что касается России, то согласно сравнительному исследованию качества жизни в России и 18 странах Европы, проведенному Л.А. Беляева на основе базы данных Европейского социального исследования (ESS) она находится на последнем месте (Беляева 2018: 32). Россия отстает по показателям благосостояния, качества социальной среды, социального самочувствия и безопасности жизни, а также по наличию возможностей для свободы выбора и самореализации в личном и общественном пространстве. Для перехода российского общества в постиндустриальное состояние необходимо не только развитие цифровой экономики четвертого, пятого и шестого технологических укладов и соответствующего изменения структуры занятости с ростом «креативного класса» — двигателя инновационного развития. Как подчеркивает Л.А. Беляева, необходимо улучшение качества жизни как комплексной характеристики материального, социального и экзистенциального благополучия населения. В условиях современной России эта задача еще ждет своего решения (Беляева 2018: 37).

Нынешняя российская модернизация экономики — это прежде всего построение Industrie 4.0, в которой ведущая роль отведена цифровизации и роботизации. По мнению ряда авторов, эти процессы, будучи внедрен-

ными в достаточно большом масштабе в экономику, усилят процессы отчуждения человека и от производства, и от его результатов. Значительные группы работников вообще станут ненужными в новых производствах, другие не сумеют перестроиться по причине недостаточного образования, ограниченных возможностей переобучения и т.п. Безработица вырастет, и даже если значительно повысится производительность труда, содержание жизни без трудовой деятельности для тех, кто ее лишится, будет стрессом или трагедией. Да и вряд ли те регионы, которые сегодня находятся на уровне индустриального развития, смогут в обозримом будущем стать наравне с постиндустриальными преуспевающими регионами. Неравномерность экономического развития — характерная черта капиталистического рынка. Она сохранится и в будущем, поскольку критерием экономического развития в капиталистической модели была и есть прибыль, а не забота о благосостоянии трудящихся.

Российская модернизация в полной мере коснулась и других сфер общества, что привело к аналогичным сменам целей их функционирования. В сфере науки происходит процесс виртуализации знания: наука становится «деятельностью языковых игр и соревнования в манипулировании моделями научного дискурса» (Иванов 2002: 110–116). Такая наука ориентируется не на критерии достижения истины, а на чисто экономические сиюминутные финансовые результаты, эффективность в прикладном плане. Если наука нуждается в финансовой поддержке таких спонсоров, как корпорации, она не может более оставаться процессом созидания нового знания: от нее теперь требуется увеличение капитала.

Происходит отделение научности от истинности. Финансируемая российским государством и фондами наука и приращение знания расходятся между собой, как современная виртуальная экономика расходится с производством товаров и услуг. Это отделение науки от приращения знания отражается в академическом статусе, становящемся гарантией достижения финансовой выгоды. В нынешних оценках научных проектов, подаваемых в российские научные фонды, эти критерии либо выше, либо идут наравне с достижением новых собственно научных результатов, которые считаются таковыми, только если выходят на мировой уровень и докладываются в международных журналах, индексируемых в системах Scopus, Web of Science и т.п. Публикации в научных журналах, которые можно купить за деньги, не могут вообще рассматриваться в той системе критериев, которые были приняты в науке, когда научная этика ориентировалась на принципы, известные каждому ученому. Наукометрический подход к оценке результативности научной деятельности стал ведущим в оценке ученых Федеральным агентством научных организаций, суще-

ствовавшем в 2013–2018 гг., что приводило зачастую к погоне за измеряемыми результатами любыми способами, ибо от них зависит статус и финансирование академического учреждения. Даже сами разработчики методик оценки результативности научных организаций согласны с тем, что учет количества публикаций и их ранжирование в социально-гуманитарных науках не является оптимальным (Гуськов и др. 2018: 442). Недавно ФАНО было упразднено, но ни рейтинговой системы, ни наукометрического подхода в оценке деятельности ученых никто не отменял. Сохраняющаяся недооценка роли социально-гуманитарного знания отчасти проявилась в недавно принятой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. В задаваемой ею системе приоритетов понимание инновационной деятельности во многом ограничено естественно-научным и инженерно-техническим кластерами науки (Торкунов 2018: 10).

Аналогичные изменения внедряются в российское образование, где модель классического университета заменяется на модель предпринимательского университета (университет 3.0), не только ориентированного на рынок, но и полностью подчиняющего цели образования интересам рынка. Происходит макдональдизация образования, прекрасно проанализированная в работах Дж. Ритцера более 20 лет назад (Ritzer 1996) и подробно описанная учеными западных стран (Hayes, Wynyard 2002). Модель макдональдизации образования показывает, как выделенные Ритцером характеристики макдональдизации экономики (эффективность, исчисляемость, предсказуемость и контроль) применяются и в сфере образования. С позиций рыночной оценки такое высшее образование становится более эффективным, потому что способно включить больше студентов благодаря внедрению тестовых экзаменов (как это практикуется в США) либо вообще ликвидации экзаменов (Великобритания). Экзамены заменяются формами оценки текущей успеваемости, что приводит к инфляции оценивания знаний и к возможности увеличить число студентов в аудитории. Сегодня макдональдизация (правда, без упоминания данного термина) поднята на щит в современной российской системе образования, в которой принципы эффективности, стандартизации, калькуляции и контроля привели к тому, что университет и академия стали еще одной типичной сферой общества потребления и заказчик полностью диктует ученым и педагогам, чему и как его надо обучать.

Осуществляемые в России реформы образования и науки оцениваются по-разному. С одной стороны, многие авторы соглашаются, что для активного продвижения вперед стране нужны перемены, которые затронут и сферы науки и образования, при этом может обостриться много

социальных противоречий. В частности, сфере образования придется коренным образом изменить свое содержание, формы, функции, обновить педагогический состав. Как констатирует А.Ю. Чепуренко, эти изменения в сфере образования неминуемо приведут к углублению разрыва между немногими успешными вузами и «лузерами», к которым будет относиться большинство нынешних учебных заведений. Классический университет, по его мнению, с неизбежностью уходит в прошлое ввиду необходимости «постепенного перехода к новой модели “образовательного супермаркета”, где “клиент” выбирает продукты, которые сам считает необходимыми...» (Чепуренко 2018: 32).

С другой стороны, граждане России не хотят, чтобы какие бы то ни было перемены шли в ущерб самому человеку. Это в немалой степени относится к образованию. Как горько отмечает Т.В. Наумова, «ныне российские вузы перестраиваются по модели американских университетов, что ведет к превращению их в университеты-предприниматели. Тем самым отечественные вузы выступают средством “утечки умов” и новейших технологий в западные страны» (Наумова 2018: 15). Происходит коммодификация современного образования, которая вряд ли обеспечит «университетам 3.0», сочетающим образовательную, научную и предпринимательскую функции, культурную и экономическую эффективность в России. Вместе с тем очевидно, что уменьшение государственного финансирования образования параллельно с ростом частного бизнеса создаст новые проблемы перед всей системой высшего образования. Как утверждает М.Д. Щелкунов, сращивание университета с бизнес-структурами может помочь в поисках финансирования только ведущим вузам, составляющим менее 10 % всего количества вузов России. Правда, несмотря на критику модернизации науки и образования в России, автор делает однозначный вывод о ее победе: «Поскольку развитие современных университетов осуществляется в логике эгоцентризма, постольку окончательным результатом такого процесса станет возникновение и упрочение транснациональной корпорации под названием “Мировой университет” со всеми вытекающими отсюда последствиями — конкуренцией, разделением труда, формированием глобальных брендов, вытеснением аутсайдеров на обочину рынка и т.п.» (Щелкунов 2018: 21). Мрачное будущее научно-образовательного человеческого капитала российских вузов не остановит этот процесс. Университет потеряет свою автономность, полностью подчинившись своим сервильным функциям.

Задолго до нынешнего времени Маркс в «Экономической рукописи 1861–1863 гг.» предвидел подчинение духовного производства капиталом (Маркс 1973), но только к концу XX в. академический капитализм, то есть

подчинение умственного труда академическому капиталу, стал очевидным (Slaughter, Leslie 1997). Сегодня, как справедливо указывает А.Ю. Чепуренко, идеи Маркса позволяют понять, что в условиях современного капитализма, подчинившего себе и духовное производство, включая науку и образование, «современные университеты — не что иное, как распространение принципов фабричного производства и организации труда на сферу образования и науки, которые в обществе знаний становятся важнейшей сферой производства относительной прибавочной стоимости» (Чепуренко 2018: 29).

Трудно также не согласиться с выводом Ю. Красина о том, что «для выхода человечества в царство свободы необходим глубочайший цивилизационный сдвиг. Такой переход видится сегодня как длительный исторический процесс, который, учитывая его глобальный характер и вовлеченность в него стран разного уровня развития, потребует не одно столетие» (Красин 2018: 49). Возможно, в нынешнем капиталистическом обществе постепенно нарождаются черты будущего (так называемой информационной цивилизации), но пока трудно сказать, насколько быстро эту цивилизацию можно построить в России.

Методология марксизма в анализе модернизации в России позволяет интерпретировать ее модернизацию как шаг вперед от «остатков» социализма (таких, как ранний выход на пенсию, некоммерческое образование) к капитализму XXI в. Однако вряд ли эти реформы способны существенно повысить глобальную конкурентоспособность России, так как другие страны тоже не стоят на месте в этой непрекращающейся рыночной гонке, и чтобы их догнать, России потребуются колоссальные усилия и ресурсы. Социокультурное развитие страны предполагает иные шаги. По мнению В.Г. Федотовой, необходимо соединить фактор культуры с модернизацией и обеспечить рациональное использование российского человеческого потенциала (Федотова 2016). Если же модернизация сохранит свою несбалансированность, то будет нарастать угроза ее превращения в частичную квазимодернизацию. Сформулировав этот вывод в марксистской терминологии, можно сказать, что модернизацию надо развернуть на цели иного проекта цивилизационного развития.

Внутренняя уязвимость проектов модернизации состоит в том, что технические инновации недостаточны для достижения ее целей, если при этом не внедряются в полной мере и социальные инновации, но последние не нужны рынку. В этом состоит неразрешимое противоречие. Поэтому ни следование России в русле Запада (как предлагает Миронов), ни успехи второй волны информационной модернизации, на которые надеется Лапин, сами по себе не изменят социального неравенства и несправедли-

ности. Социальные революции XX в. не изменили мир так, как обещали, но и сегодня необходимы альтернативы капитализму и капиталистическому проекту цивилизации

Подведем итог. Выявленные учеными противоречия между сущностью и имиджами модернизации неразрешимы. Снять этот парадокс на теоретической основе современного капитализма невозможно, и это не зависит от личных симпатий ученых или заявленных политическими деятелями целей. Если следовать этим путем, необходимо признать дальнейшую неизбежность человеческих издержек, бюрократизацию экономики, науки, образования, других сфер жизни. Иной выход из ситуации может быть связан с социально-экономической интеграцией постсоветских стран, их отказом от «догоняющей модернизации» и акцентом лишь на механизмы технико-экономического развития. Необходимо укрепление механизмов, способствующих развитию гуманистического и ответственного общества.

Литература

Аврамова Е.М. (2018) Средний класс: мировые тренды и российские реалии. *Общественные науки и современность*, 2: 22–33.

Арнасон Й. (2011) Коммунизм и модерн. *Социологический журнал*, 1: 10–36.

Беляева Л. А. (2018). Качество жизни в постиндустриальном обществе: ориентиры для России. *Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах*. Сб. докл. XIV всерос. научно-практ. конф., Тула, 15–17 окт. 2018 г. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 28–38.

Гуськов А.Е., Косяков Д.В., Селиванова И.В. (2018) Методика оценки результативности научных организаций. *Вестник Российской академии наук*, 88 (5): 430–443.

Иванов В.Д. (2002) *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.

Инглхарт Р. (2018) *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.

Кордонский С.Г. (2008) *Словная структура постсоветской России*. М.: Институт фонда «Общественное мнение».

Красин Ю.А. (2018) Марксизм: взгляд из XXI века. *Социологические исследования*, 5: 45–56

Кутырев В.А. (2017) Отдадим труд машинам... что будет с человеком? *Человек* 5: 68–74.

Лапин Н.И. (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей. *Вопросы философии*, 4: 3–15.

Лапин Н.И. (отв. ред.) (2016) *Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы*. М.: Весь мир.

Лапин Н. И. (2017) Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования. *Власть*, 3: 25–33.

Маркс К. (1960) Капитал, т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат.

Маркс К. (1973) Экономическая рукопись 1861–1863 гг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. М.: Изд-во полит. литературы.

Миронов Б. Н. (2018) Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект. *Социологические исследования*, 6: 91–103

Наумова Т.В. (2018) Советское прошлое и российское настоящее: успехи и неудачи. *Социально-гуманитарные знания*, 2: 7–22

Романовский Н.В. (2018) Маркс остается крупнейшей фигурой современной мировой социологии. *Социологические исследования*, 6: 74–83.

Торкунов А.В. (2018) Вызовы социогуманитарной науке в России. *Polis*, 5: 8–16.

Федотова В.Г. (2016) *Модернизация и культура*. М.: Прогресс-Традиция.

Черныш М.Ф. (2018) Современный марксизм в мировом и российском контекстах. *Социологические исследования*, 5: 15–25.

Чепуренко А.Ю. (2018) Маркс в университете 3.0? *Социологические исследования*, 5: 26–34.

Щербак С. (2018) Гипотеза модернизации и неолиберализм. *Russian Sociological Review*, 17(3): 208–245.

Щелкунов М.Д. (2018) Проблемы российских образовательных реформ. *Вопросы философии*, 6: 19–33.

Ясин Е. Г. (2007) *Модернизация и общество*. Доклад к VIII междунар. науч. конф. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Publishers.

Arnason J. (1993) *The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model*. L.: Routledge.

Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.

Eisenstadt S.N. (ed.) *Multiple Modernities*. N.Y.: Routledge.

Genov N. (2018) *Challenges of Individualization*. London: Palgrave Macmillan.

Hayes D., Wynyard R. (eds.) (2002) *The McDonaldization of Higher Education*. California: Praeger.

Hicks A. (1999). *Social Democracy and Welfare Capitalism*. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press.

Lipset S.M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*, 53(1): 69–105.

Milanović B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Belknap Press.

Przeworski A. (2004) The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? *European Journal of Sociology*, 45(2): 165–188.

Ritzer G. (2015) Prosumer Capitalism. *The Sociological Quarterly*, 56(3): 413–445.

Schwab K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. N.Y.: Crown Business

Slaughter S., Rhoades G. (2004) *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Stankov P. (2017) *Economic Freedom and Welfare Before and After the Crisis*. L.: Palgrave Macmillan.

Therborn G. (2013) *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge: Polity Press.

Veenhoven R. (2000) Well-Being in the Welfare State: Level Not Higher, Distribution Not More Equitable. *Journal of Comparative Policy Analysis*, 2: 91–125.

Источники

The Future of Skills: Employment in 2030 [<https://www.nesta.org.uk/publications/future-skills-employment-2030>] (дата обращения: 28.09.2017).

Kochhar R. (2015) A Global Middle Class Is More Promise than Reality. [<http://www.pewglobal.org/2015/07/08/a-global-middle-class-is-more-promise-than-reality>] (дата обращения: 20.09.2018).

Кобяков А. (2016) Вызовы XXI века: как меняет мир четвертая промышленная революция [<https://www.rbc.ru/opinions/economics/12/02/2016/56bd9a4a9a79474ca8d33733>] (дата обращения: 16.09.2018).

RUSSIAN MODERNIZATION — A CAPITALIST PROJECT OF CIVILIZATION DEVELOPMENT

Larissa Titarenko (larissa@bsu.by)

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Citation: Titarenko L.G. (2018) Rossiyskaya modernizatsiya — kapitalisticheskiy project tsivilizatsionnogo razvitiya [Russian modernization — A capitalist project of civilization development]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 141–163 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.8>

Abstract. During the past decades, Russia has embarked on a course of modernization aimed at ensuring the country's security and raising the level and quality of life of its citizens. The article presents a review of the sociological interpretations of Russian modernization. According to the theory of “double transition” (N.I. Lapin), in Russia there is a gradual transition of regions from the first, industrial stage of modernization, to the second, information, which will allow in the future to achieve the expected results. Within the framework of the evolutionary theory of modernization (R. Inglehart), Russia is also not yet considered as a country that has achieved significant success in modernization. The application of the Chinese modernization analysis methodology to the Russian data allows to declare that Russia follows global trends in its development, but does not specify the social nature of the transformation processes. The declared goals of increasing the quality and standard of living of the population are achievable only for certain social groups. According to B.N. Mironov, the study of Russian modernization for the past two centuries gives grounds to assert that its main point has always been and is the westernization of Russia, i.e. orientation to the West. Alternative approaches to the interpretation of the civilizational development of Russia (in particular, the theory of multiple modernities by S. Eisenstadt, who did not recognize the constellation of social institutions established in the West as a universal normative model of the development) are not popular. The Marxist logic of the modernization analysis in this discourse is used weakly, whereas it inevitably leads to an understanding of the essence of Russian modernization as a capitalist project of civilizational development. In Russia, there is an increase in social contradictions in key areas of public life. Modernization cannot make them more humanistic and society — more equitable and socially responsible.

Keywords: modernization, civilization approach, Marxist project, capitalism, Russia, Lapin, Inglehart, Mironov, evolution.

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publishers.
- Arnason J. (1993) *The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model*. London: Routledge.
- Arnason J. (2011) Kommunizm I modern [Communism and modernity]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1: 10–36 (in Russian).
- Avramova E.M. (2018) Sredniy klass: mirovye trendy I rossiyskie realii [Middle class: global trends and Russian realities]. *Obschestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2: 22–33 (in Russian).
- Belyaeva L.A. (2018). Kachestvo zhizni v postindustrialnom obshchestve: orientiry dlya Rossii [Quality of life in postindustrial society: Качество жизни в постиндустриальном обществе: landmarks for Russia]. *Sotsiokulturnye I sotsioeconomicheskie factory razvitiya innovatsionnyh sistem v regionah* [Socio-cultural and socio-economic factors of the development of innovation systems in the regions]. Sbornik dokladov XIV vseros. nauchno-prakt. konf., Tula 15–17 oct. 2018. [Collection of reports to XIV All-Russian scient.-practical conf., Tula 15–17 Oct. 2018]. Tula: TGPU im. L.N. Tolstoy: 28–38 (in Russian).

Chernysh M.F. (2018) *Sovremenniy Marxism v mirovom i rossiyskom kontekstah* [Modern Marxism in the global and Russian context]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 5: 15–25 (in Russian).

Chepurenko A.Yu. (2018) *Marx v universitete 3.0?* [Marx in the university 3.0?] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 5: 26–34 (in Russian).

Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities, *Daedalus*, 129 (1): 1–29.

Eisenstadt S.N. (ed.) *Multiple Modernities*. New York: Routledge.

Fedotova V.G. (2016) *Modernizatsiya i kultura* [Modernization and Culture]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Genov N. (2018) *Challenges of Individualization*. London: Palgrave Macmillan.

Guskov A.E., Kosyakov D.V., Selivanova I.V. (2018) *Metodika otsenki rezul'tativnosti naushnykh organizatsiy* [Methods of assessing the effectiveness of scientific organizations]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 88 (5): 430–443 (in Russian).

Hayes D., Wynyard R. (eds.) (2002) *The McDonaldization of Higher Education*. California: Praeger.

Hicks A. (1999). *Social Democracy and Welfare Capitalism*. Ithaca; New York: Cornell University Press

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiya, kulturnie izmeneniya I demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Inglehart R. (2018) *Kulturnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii I kak eto menyaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Ivanov V.D. (2002) *Virtualizatsiya obshchestva* [Virtualization of Society]. S.-Petersburg: Petersburg Oriental Studies (in Russian).

Kordonskiy S.G. (2008) *Soslovnaya struktura postsovet'skoy Rossii* [Estates structure of postsoviet Russia]. Moscow: Foundation "Public Opinion" (in Russian).

Krasin Yu.A. (2018) *Marxizm: vzglyad iz XXI veka* [Marxism: a look from the twenty-first century]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 5: 45–56 (in Russian).

Kutyrev V.A. (2017) *Otdadim trud mashinam... chto budet s chelovekom?* [Give labor machines... what will happen to a person?] *Chelovek* [Person], 5: 68–74 (in Russian).

Lapin N.I. (2015) *Fundamentalnye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii. Chast 1. Chelovecheskaya tsivilizatsiya pered litsom vybora konfiguratsii fundamentalnykh tsennostey*. [The fundamental values of civilization choice in the XXI century. Part 1. Human civilization in the face of choosing the configuration of fundamental values]. *Voprosy Filosofii* [Philosophy issues], 4: 3–15 (in Russian).

Lapin N.I. (ed.) (2016) *Atlas modernizatsii Rossii I ee regionov: sotsio-ekonomicheskie I sotsio-kulturnye tendentsii i problem* [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Lapin N.I. (2017) *Spontannost' modernizatsii v regionah Rossii i konstitutsionnyye principy ee regulirovaniya*. [Spontaneity of modernization in the regions of Russia and the constitutional principles of its regulation]. *Vlast'* [Power], 3: 25–33 (in Russian).

Lipset S.M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*, 53 (1): 69–105.

Marx K. (1960) Capital, tom 1 [Capital, vol. 1]. In: Marx K., Engels F. *Sotchineniya*, 2-e izd. [Writings, 2nd ed.], vol. 23. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).

Marx K. (1973) Ekonomicheskaya rukopis 1861–1863 [Economic Manuscript 1961–1863]. In: Marx K., Engels F. *Sotchineniya*, 2-e izd. [Writings, 2nd ed.], vol. 48. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury (in Russian).

Milanović B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Belknap Press.

Mironov B.N. (2018) Modernizatsiya Rossii v XVIII–XX vv. kak konvergentsionnyi proekt [Modernization of Russia in the XVIII–XX centuries as a convergence project]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 6: 91–103 (in Russian).

Naumova T.V. (2018) Sovetskoe proshloe I rossiyskoe nastoyashchee: uspehi I neudachi [Soviet past and Russian present: successes and failures]. *Sotsialno-gumani tar nye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 2: 7–22 (in Russian).

Przeworski A. (2004) The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? *European Journal of Sociology*, 45(2): 165–188.

Ritzer G. (2015) Prosumer Capitalism. *The Sociological Quarterly*, 56(3): 413–445.

Romanovskiy N.V. (2018) Marx ostaetsya krupneyshey figuroy sovremennoy mirovoy sotciologii [Marx remains the largest figure of modern world sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 6: 74–83. (in Russian).

Scherbak S. (2018) Gipoteza modernizatsii I neoliberalism [Hypothesis of modernization and neoliberalism]. *Russian Sociological Review*, 17(3): 208–245 (in Russian).

Schwab K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Business.

Shchelkunov M.D. (2018) Problemy rossiyskikh obrazovatelnykh reform [Problems of Russian educational reforms]. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 6: 19–33 (in Russian).

Slaughter S., Rhoades G. (2004) *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Stankov P. (2017) *Economic Freedom and Welfare Before and After the Crisis*. London: Palgrave Macmillan.

Therborn G. (2013) *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge: Polity Press.

Torkunov A.V. (2018) Vyzovy sotsiohumanitarnoy nauke v Rossii [Challenges to socio-humanitarian science in Russia]. *Polis*, 5: 8–16 (in Russian).

Veenhoven R. (2000) Well-Being in the Welfare State: Level Not Higher, Distribution Not More Equitable. *Journal of Comparative Policy Analysis*, 2: 91–125.

Yasin E. I. (2007) *Modernizatsiya i obshchestvo* [Modernization and Society]. Doklad na VIII mezhdunar. nauch. Konf. [Report to the VIII intern. scientific conf.]. Moscow: Publishing House HSE (in Russian).